

Виталий ДВОРЯНКИН, Евгений НАЛИМОВ (фото)

К 65-летию Победы

Праведный огонь

Год назад Александр Абрамович опять вдохнул воздух фронтовой юности. В Санкт-Петербурге отмечалась 65-я годовщина полного снятия фашистской блокады Ленинграда, Матвеева включили в состав краевой делегации для участия в торжествах. На праздничном банкете он сидел за одним столом с маршалом Советского Союза Дмитрием Язовым. Последний министр обороны СССР, как и наш земляк, воевал на Волховском фронте, который сдерживал неприятеля на северо-западном направлении, одновременно пытаясь освободить Ленинград от блокады. 18 января 1943 года Матвеев был среди тех, кто прорвал вражеское кольцо. Войска Волховского фронта соединились с Ленинградским, очистив от противника южное побережье Ладожского озера, и по сухопутному коридору в осажденный город пошли продовольствие, медикаменты, вооружение.

Воевать так воевать

Александр Абрамовичу 2 февраля исполнится 90 лет. По нему можно изучать историю СССР. Советская власть вывела его в люди, о патриотизм таких, как он, и сломали зубы фашистские захватчики.

— Сам я из старообрядцев. Родился в Забайкалье в глухой таежной деревне Мухор-Тала, — рассказывает Александр Абрамович. — Родители были абсолютно неграмотными крестьянами. В 1928 году они одними из первых вступили в колхоз. Отец — Абрам Андреевич — занимался охотой: бил белку, соболя, другого пушного зверя. Колхозу нужны были деньги, и пушнину сдавали в госзаготконтору. Я окончил в своей деревне четыре класса, а потом поехал километров за сто в школу-семилетку. Потом — в Улан-Удэ, чтобы выучиться на слесаря-паровозника. Обстановка была там криминогенной, а я парень общительный — в итоге оказался в воровской шайке. Хорошо, нашего главаря быстро обезвредили, и я вернулся домой. Там меня назначили ликвидировать неграмотность. Обучал читать и писать девчат, которые были немногим старше — в крестьянских семьях не принято было учить дочерей: считалось, замуж можно выйти и без образования. Уроки проходили в моей комнате, а классной доской была русская печка. Мама ее забеливала, и буквы я писал углем. В 17 лет меня уже послали учителем в соседнее лесное село, куда приехало много вербованных, а с ними их дети. В стране началась индустри-

выбор по Конституции СССР 1936 года, грамотных людей было мало. А в 1939 году меня опять перевели в Мухор-Талу, но уже заведующим начальной школой. И там же, в 19 лет, я возглавил комсомольскую организацию. Вокруг нас в селе вертелась вся молодежная жизнь. Комсомольцы в то время были очень активными, жили мы весело: пели патриотические песни, всюю занимались спортом, чтобы в случае чего дать отпор врагу. Несмотря на мирный пакт Молотова-Риббентропа, в воздухе пахло войной.

12 октября 1940 года меня призывали в РККА (Рабоче-крестьянская красная армия), отправили на Дальний Восток, где я стал артиллерийским разведчиком. Готовились воевать с японцами, но напал Гитлер — и нашу 60-ю танковую дивизию, в которую входил арtpолк, отправили на Северо-Западный фронт. Мы ехали с настроением, что разобьем неприятеля в пух и прах. На станции Новоильинск — это недалеко от моей деревни — я встретил знакомого колхозника. Сказал ему: «Передай моим, я обязательно получу медаль «За отвагу». Эта медаль появилась в 1938 году и считалась главной солдатской наградой. На фронт я ехать не боялся. Хотел защитить Родину и при этом отличиться.

Не дали капкану захлопнуться

— Ситуация на фронте сильно разошлась с вашими ожиданиями?

— Нас отправили южнее Ленинграда — под Малую Вишеру. Километров за сто до места назначения на наш эшелон налетели юнкерсы. Спасались в кюветах. Когда самолеты снизились, чтобы обстрелять из пулеметов, я открыл огонь из скорострельной винтовки Токарева. Ни одного самолета не подбил, зато расстрелял весь боезапас — 120 патронов. И получил за это нагоняй от командира. А вскоре навстречу попался транспорт с ранеными бойцами, они кричали: «Братцы, берегите патроны!» Нам не хватало не только патронов, но и снарядов. Немцы же их не считали. В начале войны у них были уже автоматы, мы завидовали немецким осветительным ракетам, которые надолго зависали в воздухе на парашютиках. Осложняла солдатскую жизнь плохая экипировка. На фронт приехали без зимней оде-

— Никакого уныния у меня не было, только патриотический настрой. Не знаю почему, но и страха не было тоже. Да и у товарищей я панических настроений не видел. Наша дивизия сыграла большую роль в первые месяцы войны. Осенью неприятель блокировал Ленинград, закрыв к нему все сухопутные подходы. Стратегической задачей противника было занять город Тихвин, вы-

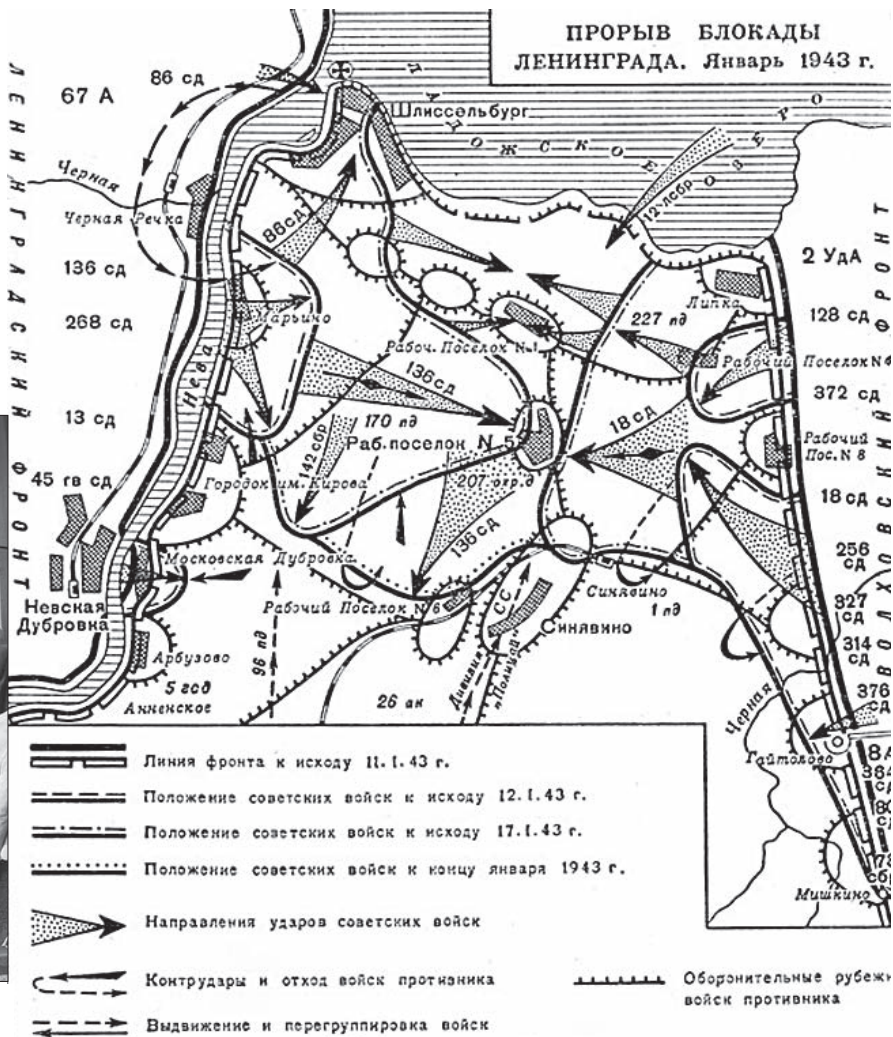

Накануне своего 90-летия Александр Матвеев сохраняет бодрость духа.

йти на реку Свирь и соединиться с финскими войсками. Тогда бы Ленинград оказался отрезанным и от снабжения по водному пути — через Ладожское озеро. Это был бы конец. Немцам удалось 7 ноября захватить Тихвин, и до Свири оставалось не больше 100 километров. Генерал Мерещков собрал разбитые части и организовал контратаку на Тихвин. Мы в его группировку не вошли, так как отстали и оказались южнее — в лесисто-болотистой местности. Нашему арtpолку и одному батальону пехотинцев надо было скрытно подойти к единственной твердой дороге на Тихвин и перерезать ее. Таким образом лишит передовую группу неприятеля поддержки — по болотам на танках и машинах не проедешь. Мы эту дорогу заняли, а немцы под угрозой окружения оставили Тихвин. Технику им пришлось бросить. За участие в этом маневре меня — тогда ефрейтора — наградили медалью «За отвагу».

— Говорят, чтобы в первые месяцы войны заслужить такую награду, надо было совершить что-то очень уж героическое...

— К дороге на Тихвин мы подбились целые сутки. Сильный мороз, а лед на болотах слабый: очень много пушек утонуло — мы остались с одной «сорокапяткой». Сплошной линии обороны у немцев не наблюдалось, они патрулировали дорогу отдельными группами. На самых подступах к ней нас обнаружили, началась стрельба. Неожиданно выскочил их броневик. Такой, как в кино про революцию показывают — колеса резиновые, два пулемета, маленькая пушка. Давай нас косить. В первую очередь уничтожил расчет единственной пушки. А я хоть и разведчик, стрелял из орудия хорошо — на Дальнем Востоке нас учили взаимозаменяемости. Подполз к нашей пушке и вторым выстрелом этот броневик поджег. Экипаж выскочил, пехотинцы его перебили. Уже захватив дорогу, мы обнаружили на другой стороне большую землянку — там были немецкие пушки и снаряды к ним. Рядом никого из наших артиллеристов не было, я и говорю пехотинцам: «Давайте их на дорогу выка-

тим, попробуем стрелнуть!» Одна из пушек оказалась неисправной, а из второй мы всю ночь отбивали контратаки. Медаль — ее номер 28 284 — вручал мне член Президиума Верховного Совета СССР. Специально приезжал для вручения награды на передовую. Мы сидели в еловом шалаше, жгли ночью костер, вдруг врывается на карачках мужчина лет пятидесяти — в каракулевой шапке, на ногах бурки. Назвал мою фамилию, я представился, он достал коробочку и вынул из нее медаль. Наверное, могли бы и Героя дать, если бы я чуть историю приукрасил. Когда отдавал комиссару планшетку, снятую с убитого командира броневика, он мне подбросил удобную версию: «Говорят, ты там еще трех немцев лопатой зарубил?» Но я из семьи старообрядцев, меня учили: врать не хорошо...

Лучше смерть, чем плен

— Какой фронтовой эпизод вы и сейчас не можете вспомнить без волнения?

— Окружение. Это самый тяжелый период. В декабре 1941 года создали Волховский фронт. Стояла задача прорвать оборону немцев на реке Волхов. Их берег был высокий, а наш низкий. И сверху они нас били, как хотели.

Мы должны были соединиться с Ленинградским фронтом, оборонявшим Северную столицу, в районе Любани. В январе 42-го удалось проделать в обороне неприятеля брешь, и в нее втянулась 2-я ударная армия фронта. Но до Любани не дошли. Пришлось самим занять оборону. Войска снабжались через небольшой коридор по болотам. Саперы ночью наладят лежневку (дорога из бревен), а днем ее фашисты разбомбят. Потом сделали узкоколейку. На вагонетках, как в шахтах, возили снаряды ручной тягой. Таскали их и в мешках. По «снабженцам» стреляли и справа, и слева — мне однажды пришлось пройти по этому пути.

В весеннюю распутицу стало совсем худо. В апреле 1942-го нашу армию окружили, команду-

ющий Власов вскоре сдался в плен. Сколько там людей полегло! Голодно, холодно и никакой перспективы: не сегодня убьют, так завтра. От голода дело доходило до каннибализма. Но я больше всего боялся плена. Многие, не выдержав мучений, сдавались. Нашему полку еще повезло, мы были близко к своим. Но из тысячи с лишним человек из окружения выбрались только 47. Тогда на плащ-палатке я на пару еще с одним бойцом вытащил раненого в ногу Евгения Карпова, знакомого мне по службе на Дальнем Востоке. Его отправили в госпиталь, мы потеряли связь, но после войны встретились и жили по соседству.

Ночная переделка

— Как складывалась ваша фронтовая судьба дальше?

— Выйдя из окружения, мы пополнились бойцами и получили новые орудия. Я прямо в окопах окончил курсы младших лейтенантов, был назначен комсоргом полка: вел политическую работу среди молодых бойцов, личным примером поддерживал боевой дух. После снятия блокады Ленинграда в составе 228-го гвардейского гаубичного, а потом 162-го легкого артиллерийского противотанкового полков освобождал Новгород, Псков, Тарту, Ригу, Шауляй, Кёнигсберг, Оливу, Цоппот, Данциг, форсировал реку Нарев в Польше, в Германии, под городом Кюстрин, — Одер. Наш 162-й полк с 62-миллиметровыми орудиями участвовал во взятии Берлина.

— Вам приходилось на войне смотреть неприятелю глаза в глаза?

— В январе 1944 года мы наступали на Новгород. Провели артподготовку, потом пошли в атаку. Вечером заняли первую траншею немцев. Расположились командным составом в офицерском блиндаже, с нами несколько разведчиков. Легли спать, а перед этим хорошо поели и выпили. Понадеялись, что боевое охранение, как обычно, выставит пехота. А она ушла дальше. Там комполк убило, его зам по строевой тоже, командование перешло

Одерский плацдарм. Перед штурмом Берлина. Апрель 1945 г.

ализация, металлургическим заводам требовалось много угля, а в шахты нужен был лес. Я вел в том селе два первых класса — по 42 человека. Кстати, совсем мальчишкой я участвовал в организации первых

ды — наши интенданты где-то дали маху. В начале ноября уже лежал глубокий снег, ударили морозы за 30, а мы в пилюлях и сапогах...

— Как это сказалося на боевом духе?

Артиллерист Александр Матвеев дважды бил врага из его же пушек. Дошел от Ленинграда до Берлина и расписался на рейхстаге

к замполиту, который не слишком разбирался в тонкостях взаимодействия. И вот я ночью просыпаюсь, выхожу на улицу – охранник у входа в блиндаж спит, а на фоне неба немцы мельтешат. Я схватил у нашего часового автомат, крикнул в блиндаж: «Немцы!» Сколько их, не видно – ночь. Трое выскочили на бугор, я дал две короткие очереди. Потом в ложбину очередь – там закричал один благим матом. Видно, ранил его. Короче, пошла у нас стрельба. Через какое-то время вышли на связь с артиллерийскими расчетами и вызвали огонь на себя. Всем полком по нам били, хорошо, у немцев блиндаж крепкий. Потом наши подняли резервную роту пехоты и пошли на штурм высоты. Орут: «За Родину! За Сталина! Мать твою!» Но немцев там уже не было.

Утром я посмотрел, куда стрелял. На бугре лежал убитый офицер, а в рывке, где кричал раненый, никого не было – только кучка гранат. Бросили бы их в блиндаж, всех бы перебили. Я потом прикинул: это, видимо, разведгруппа была. Командир полка похвалил меня за ночной бой, но представлять к награде не стал, не желая афишировать ночные подробности. Он чувствовал себя виноватым: сам-то из блиндажа не вышел.

– А за что вас наградили на фронте Красной Звездой и орденом Отечественной войны 1 степени?

– Освободив Новгород, мы двинулись на Псков. Я затесался в боевые порядки пехоты вместе с дивизионной разведкой. Взяли позицию немецкой батареи, я говорю ребятам: «Разворачивайте пушку!» И начали из этого орудия по убегающим немцам стрелять. Кто-то заметил, написали в дивизионную газету, командир отметил в боевой характеристике. Мне дали орден Красной Звезды.

А орденом Отечественной войны наградили за Зееловские высоты – это на подступах к Берлину. Мы поддерживали огнем полк пехоты, который был только что сформирован. В основном там были солдаты из освобожденных Белоруссии и Украины – еще необстрелянные. На середине высоты немцы предприняли контратаку с фланга, и новобранцы дрогнули – побежали. А наши батареи били прямой наводкой. Из каждой батареи в ряды пехоты срочно послали людей, чтобы пресечь панику. Пришлось стрелять из автомата поверх голов бойцов. Панику удалось погасить, контратаку немцев мы отбили.

Войне – конец

– Говорят, на своей территории немцы дрались ожесточенно?

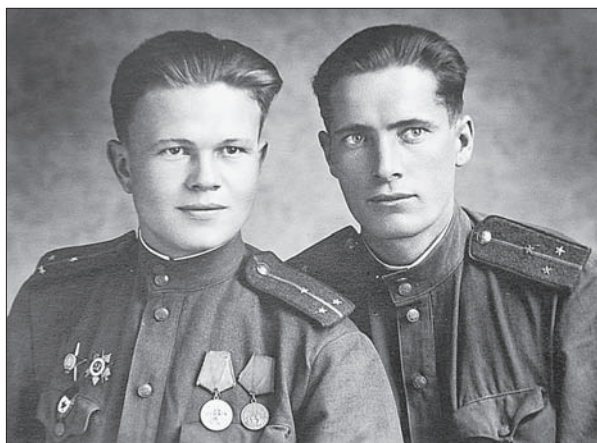
– Они везде так дрались. Под Ленинградом, Псковом, Новгородом, в Эстонии. Помню, как страшно горела столица Латвии – Рига. Были сильные бои в Восточной Пруссии, особенно за Кёнигсберг. У меня есть за него медаль. Гражданское население нас страшно боялось.

– А было за что?

– Было. Многие, особенно солдаты-белорусы, мстили за своих родных. К тому же был приказ политуправления 2-го Белорусского фронта: уничтожать всех, кто сопротивляется. Это обтекаемая формулировка: она позволяла убивать кого угодно. А еще приказывали жечь все, что невозможно вывезти. Но это продолжалось недолго. Через полторы-две недели появился другой приказ: убивать прекратить, ничего не палить – это наше состояние, все достанется нам. Лично я к немцам как к людям никогда ненависти не испытывал. Просто знал – это враг, а врага надо уничтожить.

– Где окончилась для вас война?

– В Берлине. Я был уже гвардии старшим лейтенантом, заместителем командира дивизиона. Город капитулировал 2 мая, а мы расписались на рейхстаге еще в Первомай. 1 мая с Костей Козловым захватили трофейную легковую машину, нашли по карте, где расположен рейхстаг, и поехали просто его посмотреть. Здание дымилось, в подвалах еще шли бои. Но толпы наших солдат и офицеров уже праздновали победу – писали на стенах свои фамилии. Ну и мы

Германия, г. Шверин, июль 1945. Справа - друг-однополчанин артиллерийский техник Иван Семенович Касьянов.

взяли головешки – расписались. Кстати, едва объявили капитуляцию, немцев словно подменили – они стали абсолютно смиренными, послушными.

Неожиданная встреча

В 1949 году Александр Матвеев окончил курсы усовершенствования политсостава Калининградской офицерской школы МВД и

приехал на Алтай. Направили его в военизированную охрану управления исправительных трудовых лагерей и колоний, в обязанности Матвеева входила воспитательная работа среди стрелков-охранников.

– Солдат у нас не хватало, – вспоминает Александр Абрамович. – Приходилось брать людей из числа заключенных, осужденных по бытовым статьям. Они стояли на вышке, охраняли других эков. Однажды приезжаю с врачом в рубцовскую колонию отобрать подходящих ребят. Врач делает осмотр, а я личные дела шурую. И вдруг заходит Женька Карпов! Тот самый мой друг, которого я вытащил на плащ-палатке из окружения! «Как ты сюда попал?» Он рассказал. Я добился его перевода в Барнаул, помог досрочно освободиться. Он снова вступил в партию, стал работать в коммунальном хозяйстве. Дослужился до высокого поста в Барнауле. И дал мне мою нынешнюю квартиру.

В УИТЛК Александр Матвеев долго не задержался, ему предложили должность в краевом управлении пожарной охраны. Он окончил юридический институт, 20 лет возглавлял отдел госпожнадзора. В обязанности Александра Абрамовича входило не тушить пожары, а предупреждать их. Но один большой пожар тушить все же пришлось – на Барнаульском шинном заводе. Начальник управления был в командировке, оставил за себя Матвеева. Он и возглавил штаб пожаротушения. Горел склад каучу-

ка, была большая опасность, что огонь перекинется на основной заводской корпус. Как и на войне, Матвеев поступил решительно. Он дал команду не распылять силы на тушение горевшего здания – все равно не спасти, а сконцентрировал усилия на том, чтобы пламя не подобралось к другим строениям. Когда принималось это решение, не все его одобряли, но потом признали правильным.

О личном

Счастье – это жить и общаться

– Александр Абрамович, вы счастливый человек?

– Учитывая, что я прошел всю войну и остался при моем патриотизме и желании быть на переднем крае жив, то, конечно, я – человек счастливый. Еще я доволен тем, что сумел создать хорошую семью, горжусь ей. Моя жена – Екатерина Кузьминична – ушла из жизни семь лет назад. Она 25 лет возглавляла Сибирский НИИ сыроделия, была кандидатом технических наук, заслуженным работником пищевой промышленности РСФСР. Наши дети выросли достойными людьми. Старшая дочь – Светлана – окончила два вуза – политехнический в Барнауле и патентный институт в Москве. Правда, по специальности толком не работала, так как в основном жила за границей, где работал ее муж. Сейчас он генерал-лейтенант.

Внук окончил Московский институт международных отношений. Он экономист, занят в нефтегазовой отрасли.

Младшая дочь Людмила окончила мединститут. Сейчас кандидат медицинских наук, доцент АГМУ, врач-кардиолог высшей категории, ее муж Алексей Барбашов тоже преподает в медуниверситете. Внучка живет в Питере. С отличием окончила наш медуниверситет и уже аспирантка научно-исследовательского института кардиологии имени Алмазова. Весной будет защищать кандидатскую.

– С высоты ваших лет скажите, а что человеку надо для счастья?

– В моем возрасте трудно прожить без общения. Одиночество – плохо. Самое большое в жизни счастье – это общение с людьми. Я вот хожу в шахматный клуб. Обыгрываю даже кое-кого.

– О чем вы мечтаете?

– Хочу успеть помянуть правнуков.